

«Грамота, процесс чтения и писания вреден»: Л.Н. Толстой и К.С. Аксаков в споре о книгах для народа

В статье рассматриваются понятия «просвещение» и «грамотность». Автор соотносит взгляды К.С. Аксакова, И.В. Киреевского, А.С. Хомякова с позицией Л.Н. Толстого в споре о книгах для народа. Материалом анализа стали статьи, письма, дневники Л.Н. Толстого и его современников.

Ключевые слова: *книги для народа, грамотность, просвещение, литературное творчество, прогресс, славянофильство, западничество.*

**Марина Анатольевна
Можарова,**
*старший научный сотрудник
Института мировой
литературы
им. А.М. Горького РАН,
кандидат филологических
наук*

Период знакомства и частых встреч Л.Н. Толстого с западниками и ранними славянофилами пришелся на 1850-е гг., названные им «временем цивилизации, прогресса, *вопросов*, возрождения России» (в цитатах везде сохранен курсив. — *М.М.*) [11, т. 17, с. 7]. Яркая характеристика начала царствования Александра II дана Л.Н. Толстым в романе «Декабристы». Это было время, «когда появились журналы под самыми разнообразными знаменами: журналы, развивающие европейские начала на европейской почве, но с русским мирозерцанием, и журналы, исключительно на русской почве, развивающие русские начала, однако с европейским мирозерцанием ... когда со всех сторон появились *вопросы* ... кадетских корпусов, университетов, цензуры, изустного судопроизводства, финансовый, банковый, полицейский, эманципационный и много других» [11, т. 17, с. 8].

Запись, сделанная Л.Н. Толстым в дневнике 21 мая 1856 г. после посещения семейств Аксаковых и Горчаковых, может служить своеобразной иллюстрацией к этой характеристике: «Спорил с Константином о сельском чтении, которое он считает невозможным. Вечером у Горчаковых с Сергеем Дмитриевичем спорил о совершенно противном; Сергей Дмитриевич уверял, что самый развратный

класс крестьяне. Разумеется, я из Западника сделался жестоким Славянофилом» [11, т. 47, с. 74].

Одним из *вопросов*, горячо обсуждаемых в то время, было народное образование и непосредственно связанная с ним проблема издания книг для народа. Данная тема не могла оставить Толстого равнодушным. Свои педагогические статьи в журнале «Ясная Поляна» он предварил обращением к публике, в котором назвал народное образование «дорогим и важным для всех предметом» [11, т. 8, с. 3]. Сформировав свой взгляд на крестьянина еще до знакомства со славянофилами, Толстой в 1853 г. записал: «Простой народ так много выше нас стоит своей исполненной трудов и лишений жизнью, что как-то нехорошо нашему брату искать и описывать в нем дурное» [11, т. 46, с. 184].

На уважении к крестьянину, на подлинной заботе о его нравственной чистоте основывалась и позиция К.С. Аксакова. Убежденный в исключительно подражательном характере русского просвещения, «полтора года лет не знающего самостоятельной деятельности», он не мог согласиться с тем, что «просвещение наше вздумало просвещать простой народ и для этого выдает *народные книги*» [1, с. 239]. Возможно, в споре с Толстым К.С. Аксаков высказал аргумент, приведенный им позднее в статье 1859 г.: «Не пишите для народа. Что будет общепонятно — поймет, поверьте, и народ. Во всяком случае *народных* книг народ, без принуждения, читать не станет. Вместо того, чтоб писать какие-то сочинения исключительно для народа, пусть лучше литература наша постарается быть *народною*» [1, с. 240].

Такая позиция вызвала на спор не одного Л.Н. Толстого. В том же 1859 г., когда К.С. Аксаков высказал эту мысль в статье «Народное чтение», В.Ф. Одоевский в письме А.С. Хомякову утверждал, что автор «не понимает ни русского народа, ни его потребностей, ни телесных, ни духовных» [10, с. 344].

Спор, в который вступил Л.Н. Толстой в 1856 г., имел давнюю историю. Возражая К.С. Аксакову, он занял такую же позицию, какую в 1845 г. занял В.Ф. Одоевский, огорченный и удивленный «выходкой против народных чтений» со стороны А.С. Хомякова. Последний считал «все издание «Сельского чтения» крайне оскорбительным явле-

Л.Н. Толстой. Фотография 1868 г.

нием и выражением глубокого, ничем не заслуженного и ... непозволительного презрения к просвещаемому» [10, с. 340]. В.Ф. Одоевский, печатавший свои произведения и в «Сельском чтении», и в «Библиотеке для воспитания», противопоставлял этому мнению свою позицию, заключающуюся в деятельной просветительской работе, а не в «отстранении, не в затворничестве» и не «в кулачном бою ни за что ни про что» [10, с. 344].

Даже в самом славянофильском кружке не было согласия в этом вопросе. В том же 1845 г., когда В.Ф. Одоевский возражал А.С. Хомякову, И.В. Киреевский в статье о повести Ф.Н. Глинки «Лука да Марья» заметил, что «неизбежная необходимость времени требует уже и от простого народа принятия новой образованности» [4, с. 191]. Высо-

ко оценив «мастерский язык» этой маленькой книжки, писанной для народа, И.В. Киреевский утверждал, что «написать книгу для народа есть уже само по себе не только дело доброе, но еще из самых благодетельных, какие только могут предстать человеку с сострадательным сердцем. Ибо народ наш нуждается в здоровой умственной пище; за неимением ее при новой, беспрестанно более распространяющейся грамотности может он обратиться к самой вредной, самой пустой, самой невежественной литературе и, по несчастью, уже начинает обращаться к ней. ... Вот почему мы думаем, что писатель, способный противустать этому разрушению народных понятий, может быть одним из самых благодетельных деятелей нашего времени» [4, с. 188, 191]. По прошествии полувека первый биограф И.В. Киреевского заметил, что в этой статье высказан «в высшей степени верный взгляд на значение и задачи книг для народного чтения», что «и теперь ... трудно сказать что-нибудь более веское и разумное, чем эти немногие строки; тогда же они должны были показаться чем-то неслыханным и вряд ли даже нашли сочувствие во многих читателях» [8, с. 64—65].

В.Ф. Одоевский, упрекая в 1845 г. А.С. Хомякова в равнодушном отношении к закрытию «Москвитятина» и даже радости, что он «не будет говорить с публикой», а «заедет к гуннам, антам и венедам», писал ему: «...для меня неужели радость писать для народа; возиться с детьми и писать для них “Азбуки”? И мне бы веселее было удариться хоть, например, в алхимию — что за

К.С. Аксаков. Фотография 1850-х гг.

И.В. Киреевский. Фотография
1850-х гг.

сахар? не чета твоим антам и гуннам! Да мало ли забав у меня? а контрапункт, а ботаника, а математика, к которой вот уже два года так и тянет меня — но увы! — я пишу для народа и для детей потому, что *никто другой* не пишет, а посему необходимо писать для тех и для других» [10, с. 344]. В этом же письме В.Ф. Одоевский заметил: «Странная моя судьба, для вас я западный прогрессист, для Петербурга — отъявленный старовер-мистик; это меня радует, ибо служит признаком, что я именно на том узком пути, который один ведет к истине» [10, с. 344].

Собственному пути к истине остался верен и Л.Н. Толстой, не разделявший, подобно И.В. Киреевскому и В.Ф. Одоевскому, в полной мере ни взглядов славянофилов, ни западников и избравший для себя именно такую форму просветительской деятельности, как писание «Азбуки», «Новой азбуки» с книгами для чтения и позже — рассказов для издательства «Посредник». Вопрос о том, существует ли потребность образовывать народ и издавать для него книги, был для него решенным. Отсутствие народной литературы служило для Толстого «неопровержимым доказательством того, что в народе нет образования» [11, т. 8, с. 11]. Успехи Яснополянской школы только подтвердили правильность его выбора и направили творческую мысль писателя к новому для него литературно-педагогическому труду.

Совпадение точек зрения В.Ф. Одоевского, И.В. Киреевского и Л.Н. Толстого в вопросе о книгах для народа во многом было обусловлено также их собственной педагогической практикой. В связи с этим необходимо отметить, что если Одоевский давно уже признан одним из предшественников Л.Н. Толстого в деле популяризации знаний для детей и народа, то имя И.В. Киреевского только начинает возвращаться на свое законное место в этом ряду. Значение педагогических воззрений последнего очень велико. Его многолетняя, продолжавшаяся до самой кончины деятельность в звании почетного смотрителя Белевского уездного училища была высоко оценена прежде всего самими педагогами, со многими из которых И.В. Киреевский состоял в переписке, излагая в ответ на их просьбы свои взгляды на преподавание различных предметов. Вникая во все подробности жизни училища, И.В. Киреевский стремился привести обучение в соответствие с потребностями учащихся. Свои наблюдения и выводы он обобщил в «Записке о направлении и методах первоначального образования народа в России» (1839 г.), а также в записке «О нужде преподавания церковнославянского языка в уездных училищах» (1854 г.), адресованной министру народного просвещения А.С. Норову. Отсутствие в учебной программе этих заведений церковнославянского языка таило в себе, по убеждению И.В. Киреевского, множе-

ство опасностей для учащихся. *Грамотность*, по его словам, «соединяя понятия народа с ходячею литературою», «поставляет его образ мыслей в противоречие с понятиями веры» [5, с. 129]. В письме другу А.В. Веневитинову Киреевский заметил, что введение в программу обучения церковнославянского языка он почитает «одним из самых полезных улучшений, какие только можно сделать в уездных училищах» [5, с. 501]. В Белевском уездном училище по ходатайству Киреевского место учителя русского языка занял священник Александр Богданов с обязанностью преподавать также церковнославянский язык и объяснять церковное богослужение, что имело самые благотворные последствия для учащихся.

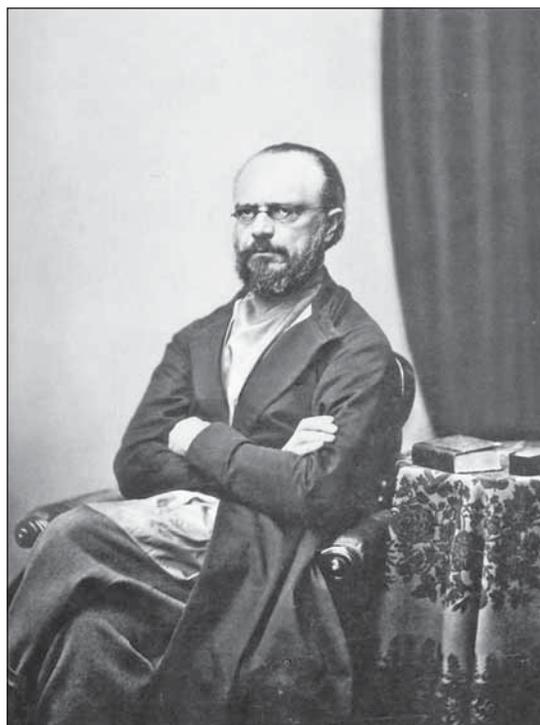
Для Л.Н. Толстого-педагога недолгий период общения с И.В. Киреевским не прошел бесследно. Избрание таких форм обучения, которые не противоречили бы народной вере и народному взгляду на образование, стало главным принципом Яснополянской школы. В связи с этим важно отметить, что в начале 1870-х гг. Л.Н. Толстой, не имея уже возможности обратиться за советом к самому Ивану Васильевичу, часто бывал в московском доме его брата по матери — В.А. Елагина, избрав его советчиком при работе над «Азбукой».

Обсуждение вопроса о книгах для народа, начавшееся в 1840-х гг., вобрало в себя многие проблемы эпохи и отразило всю сложность переживаемого Россией исторического момента. А.С. Хомяков и К.С. Аксаков, заявлявшие о ненужности и даже вредности сочинительства для народа, стремились указать на опасность слепого и бессознательного подражания Западу и тем самым предостеречь от ошибочного отождествления понятий *просвещения* и *грамотности*.

Одним из первых указал на эту проблему И.В. Киреевский, хотя к вопросу о народном чтении он относился иначе и не отрицал возможности полезной образовательной деятельности. «*Грамотность*, отдельно взятая, отдельно от развития положительных истин», по его словам, «непонятно почему могла бы быть полезна и желательна» [5, с. 129]. Противодействовать развращающему влиянию *грамотности* и благотворно влиять на дело народного просвещения, по его мнению, могли бы «писатели с дарованием, любящие отечество и его будущую судьбу, пишущие не по заказу, но по внутренней необходимости и знающие народ наш не по слухам, но из действительных жизненных отношений» [4, с. 188]. К таким писателям в 1845 г. И.В. Киреевский отнес Ф.Н. Глинку. Через десять лет, познакомившись с первыми публикациями Л.Н. Толстого в журнале «Современник», он отозвался о начинающем писателе так: «Я от этого Толстого жду чего-нибудь необыкновенного. Ему, кажется, Бог дал самородного таланту больше всех наших писателей. Если только он не собьется школой

А.С. Хомяков. Фотография 1850-х гг.

А.И. Кошелев. Фотография 1860-х гг.

Краевского и Никитенки, то будет выше всех Тургеневых и Писемских» [4, с. 27]. В личных беседах И.В. Киреевский и Л.Н. Толстой, конечно, не могли не коснуться близкого им обоим предмета — деятельности для полуграмотного народа.

Тема *грамотности* широко обсуждалась в русском обществе в середине XIX века. В.И. Даль с тревогой писал в 1856 г.: «Некоторые из обра-

зователей наших ввели в обычай кричать и вопить о *грамотности* народа ... они без умолку приговаривают: просвещение, просвещение! Но разве *просвещение* и *грамотность* одно и то же? Это новое недоразумение. ... Грамота, сама по себе, ничему не вразумит крестьянина; она скорее собьет его с толку, а не просветит» [3, с. 3]. В опубликованной через год «Заметке о грамотности» В.И. Даль вновь настаивал: «...не смешивайте грамоты с образованием, средства с целью; не проповедуйте грамоты как спасения; не приносите никаких жертв для всеобщего водворения ее: рано!» [2].

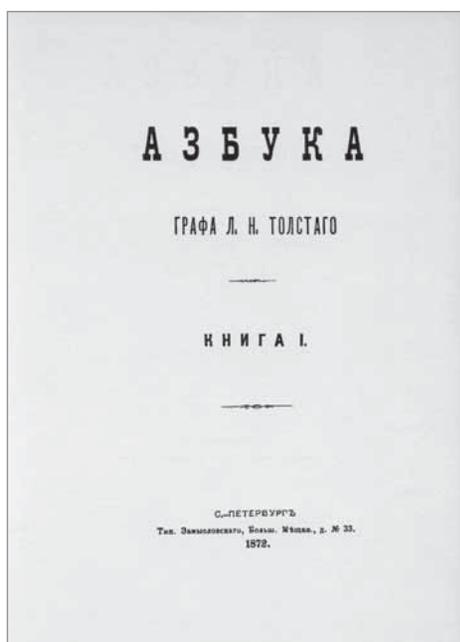
Его оппоненту А.И. Кошелеву это слово «рано», по собственному его признанию, как камень легло на душу и заставило взяться за перо. «Уж не поздно ли?» — восклицал он в ответной статье, завершая ее призывом: «Заботьтесь об улучшении народной нравственности, народного благосостояния, народного устройства; но будьте твердо убеждены, что вернейший — царский к тому путь есть грамота, а потому распространяйте ее везде и всегда, благовременно и безвременно!» [6, с. 219].

Л.Н. Толстой упомянул об этой полемике в статье «Прогресс и определение образования» (1863 г.), приняв сторону «добросовестного наблюдателя» В.И. Даля, на которого «посыпались неистовые крики и ругательства всех верующих в прогресс» [11, т. 8, с. 341]. Л.Н. Толстой, к этому времени уже совершенно освободившийся от «суеверия прогресса», утверждал, что нет никаких оснований предполагать, что «мы, русские, должны необходимо подлежать тому же закону движения цивилизации, которому подлежат и европейские народы», и что «движение вперед цивилизации» есть «одно из величайших насильственных зол» [11, т. 8, с. 346]. Изучая народные школы за границей, он обратил особое внимание на существующее во всей Европе

«противодействие народа образованию посредством грамоты» [11, т. 8, с. 130]. Пагубность механического умения читать была очевидной. Главная часть образования народа, по словам Л.Н. Толстого, обретается не из школы, а из жизни. Его собственный педагогический опыт подтвердил эти выводы: все ученики, прибывшие в Яснополянскую школу из «школ грамотности», постоянно отставали от поступивших из «жизненной школы» [11, т. 8, с. 132].

Одной из проблем, с которой столкнулись в своей педагогической деятельности И.В. Киреевский и Л.Н. Толстой, было недоверие народа к училищам и школам. Объясняя это, первый писал, что русский человек «весьма уважает образованность там, где видит от нее несомненную пользу», но боится «обманчивой стороны образованности» и «покуда держится старины» [5, с. 142]. По словам Л.Н. Толстого, «педагогия служит проверкою многих и многих жизненных явлений, общественных и отвлеченных вопросов» [11, т. 8, с. 89]. Главным принципом Яснополянской школы стало избрание таких форм обучения, которые не противоречили народному взгляду на образование.

Проверку педагогией прошел и главный вопрос времени — взаимоотношения России и Запада. «В противуборстве западному приливу и волнению» В.И. Даль считал, что следует принимать образованность и просвещение «не бессознательно, а применяя и приурочивая к своей почве» [3, с. 1]. Именно на приурочивании «к своей почве» грамотности, вносимой в народ, основывалось обучение в школе Л.Н. Толстого. Один из учителей, работавший с ним в 1860-е гг., вспоминал, что «хотя мы все и были продуктом цивилизации, но не заражать народ своим “ядом”

«Азбука»
Л.Н. Толстого.
1872 г.

приглашал нас Лев Николаевич, а самим оздоровиться от соприкосновения с здоровою жизнью народа» [7, с. 123].

Вновь и вновь возвращаясь к вопросу о грамотности, Л.Н. Толстой в 1860 г. в письме Е.П. Ковалевскому заметил: «Над спорами, полезна ли грамота или нет, не следует смеяться. Это очень серьезный и грустный спор, и я прямо беру сторону отрицательную. *Грамота*, процесс чтения и писания, вреден» [11, т. 60, с. 329]. Размышления об этом есть и в статье «О методах обучения грамоте» (1862 г.): «Спор в нашей литературе о пользе или вреде грамотности, над которым так легко было смеяться, по нашему мнению, есть весьма серьезный спор, которому предстоит разъяснить многие вопросы. <...> Одни говорят, что для народа вредно иметь возможность читать книги и журналы, которые спекуляция и политические партии кладут ему под руку. <...> Другие говорят или разумеют, что образование не может быть вредно, а всегда полезно. <...> Как и всегда бывает в спорах, и те, и другие совершенно правы. Спор, нам кажется, заключается только в неясном постановлении вопроса. <...> Ежели вопрос поставлен так: полезно или нет для народа первоначальное образование? то никто не может ответить отрицательно. Ежели же спросят: полезно или нет выучить народ читать, когда он не умеет читать и у него нет книг для чтения, то надеюсь, что всякий беспристрастный человек ответит: не знаю. <...> Вглядевшись же ближе в результат грамоты в том виде, в котором она передается народу, я думаю, что большинство ответит против грамотности» [11, т. 8, с. 131—132].

В конце жизни Л.Н. Толстой часто вспоминал о славянофилах. В апреле 1906 г. яснополянский врач Д.П. Маковицкий записал его слова: «Никто из русских не имел на меня, для моего духовного направления, воспитания такого влияния, как славянофилы, весь их строй мыслей, взгляд на народ: Аксаковы — отец и Константин, Иван — менее, Самарин, Киреевские, Хомяков» [9, с. 107—108]. Несомненное воздействие оказали славянофилы на просветительскую позицию Л.Н. Толстого. Не случайно к читателям своего педагогического журнала он обратился с вопросом: «Какое мы имеем историческое право говорить, что наши школы должны

быть такие же, как европейские школы?» [11, т. 8, с. 21].

Тема отношений России с Европой, волновавшая умы на протяжении всего XIX в., никого из русских писателей не оставила вне *западничества и славянофильства*. Не разделяя в полной мере взглядов ни западников, ни славянофилов, Толстой в любом проявлении своей творческой деятельности всегда занимал особую позицию, нередко соединяющую и примиряющую крайности воззрений спорящих сторон. То же произошло и в споре о книгах для народа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аксаков К.С. Литературная критика / К.С. Аксаков, И.С. Аксаков. — М. : Современник, 1982. — 383 с.
2. Даль В.И. Заметка о грамотности. (Письмо в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей») // С.-Петербург. ведомости. — 1857. — 10 нояб. — № 245.
3. Даль В.И. Письмо к издателю А.И. Кошелеву // Русская Беседа. — 1856. — Кн. 3. — Отд. V: Смесь. — С. 1—16.
4. Киреевский И.В. Избранные статьи / И.В. Киреевский. — М. : Современник, 1984. — 383 с.
5. Он же. Разум на пути к Истине. Философские статьи, публицистика, письма. Переписка с преподобным Макарием (Ивановым), старцем Оптиной пустыни. Дневник / И.В. Киреевский. — М. : Правило веры, 2002. — 662 с.
6. Кошелев А.И. Нечто о грамотности. (Письмо к В.И. Далю) <дек. 1857> // Русская Беседа. — 1858. — Кн. 1. — Отд. V: Смесь. — С. 213—219.
7. Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. — М. : Художественная литература, 1978. — 621 с.
8. Лясковский В.Н. Братья Киреевские. Жизнь и труды их / В.Н. Лясковский. — СПб., 1899. — 100 с.
9. Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904—1910 // Яснополянские записки Д.П. Маковицкого : в 4 кн. — Кн. 2 : 1906—1907. — М. : Наука, 1979. — 688 с. — Лит. наследство; Т. 90.
10. Переписка кн. В.Ф. Одоевского с А.С. Хомяковым / публ. Б.Ф. Егорова и М.И. Медового // Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 251. — Тарту, 1970. — С. 339—349.
11. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. — М. ; Л., 1928—1958.

*Иллюстративный материал
предоставлен автором статьи*